

Беляев А. Д. Истинное христианство и гуманизм: [По поводу реферата Вл. С. Соловьева «О причинах упадка средневекового мирозозерцания»] // Богословский вестник 1892. Т. 2. № 7. С. 39–57 (2-я пагин.). (Продолжение.)

ИСТИННОЕ ХРИСТИАНСТВО И ГУМАНИЗМЪ.

(Продолженіе).

Когда рѣчь идетъ о духовныхъ болѣзняхъ христіанства, какъ въ рефератѣ г. Соловьева, то естественно возникаетъ вопросъ, какіе недостатки могутъ быть и дѣйствительно бываютъ въ христіанствѣ, не препятствуя ему оставаться истиннымъ христіанствомъ, истинною Церковію Христа, и какіе недостатки низводятъ его на степень христіанства неистиннаго, нецерковнаго.

Что истинное христіанство не можетъ не имѣть недостатокъ, это несомнѣнно. Христіанство не дѣлаетъ людей безгрѣшными ангелами. Безгрѣшны только члены небесной, торжествующей Церкви, а не земной, или воинствующей. Даже люди святые въ этой жизни не безгрѣшны. Истинное христіанство или истинная Церковь только ослабляетъ силу грѣховности человѣка и даетъ средства для очищенія отъ грѣховъ, но не искореживаетъ ихъ окончательно. Совершенство есть идеалъ, къ которому оно направляетъ и даетъ силы и средства приближаться своимъ членамъ, а не есть свойство или принадлежность этихъ послѣднихъ.

Имѣя въ виду несовершенство и грѣховность человѣческой природы, православная Церковь съ мудрою снисходительностію и прощательностію не только не требовала отъ своихъ чадъ невозможнаго, но даже и въ предѣлахъ достижимаго христіаниномъ совершенства она различала обязательное отъ желательнаго. Она никогда не обязывала всѣхъ христіанъ идти высшимъ путемъ жизни и достигать высшихъ степеней совершенства, которымъ шли, или которыхъ достигали немногіе, а только рекомендовала стремиться къ нимъ

и прославляла святость стремившихся къ высшему совершенству и по возможности достигавшихъ его. Она, напр., допустила не только второй, но даже и третій бракъ; и второй и третій бракъ она также освящаетъ таинствомъ, какъ и первый, несмотря на то, что идеальная норма брака есть единобрачіе, и цѣломудренное дѣвство выше брачной жизни. Она даже прямо осуждала ригористовъ, требовавшихъ обязательнаго единобрачія. Она отвергла ученіе донатистовъ, будто истинная Церковь только тамъ, гдѣ нѣтъ грѣшниковъ, и будто совершаемыя грѣшными людьми таинства не дѣйствительны. Этимъ она ясно показала, что даже и священнослужителей она не признаетъ безгрѣшными и ихъ грѣховность не считаетъ препятствіемъ для совершенія таинствъ и всего ихъ служенія Богу и Церкви. Она кротко и милостиво относилась даже къ положительнымъ нарушителямъ обязательныхъ и притомъ важныхъ требованій ученія вѣры и закона нравственнаго, если только они не обнаруживали упорства и коснѣнія въ лжевѣрїи и не-раскаянности въ безнравственномъ поведенїи.

Такъ смотрѣла, такъ учила и такъ поступала древняя Церковь.

Восточная православная Церковь всегда подражала ей въ этомъ, какъ и во всемъ прочемъ. Духъ ригоризма чуждъ нашей Церкви. Она всегда позволяла второй и третій бракъ, не разрѣшая его только священнослужителямъ. Она не допустила безбрачія священниковъ и діаконовъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда самъ священнослуженїя принимается въ болѣе чѣмъ зрѣломъ возрастѣ. Для епископовъ въ нашей Церкви безбрачіе обязательно. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и въ первые вѣка христіанства многіе епископы не были женаты, что въ епископы рѣдко ставятъ раньше сорокалѣтняго возраста, что наша Церковь не возбраняетъ принимать епископство лицамъ, бывшимъ женатыми и имѣющимъ семейства, если только овдовѣли. Никогда также Церковь наша не признавала безгрѣшными не только мірянъ, но и монаховъ, и священнослужителей, даже епископовъ и самихъ патріарховъ, и никогда не видѣла въ грѣховности своихъ членовъ неодолимаго препятствїя для ихъ спасенія и въ грѣховности іерархическихъ лицъ—препятствїя для осуществленія ихъ служенія Церкви; никогда также не раздѣляла она мнѣнія, будто грѣшные

люди препятствуютъ Церкви быть святой и будто къ Церкви принадлежатъ только немногіе святые и совершенные люди.

Общее сознаніе православной Церкви относительно грѣховности христіанъ можно вкратцѣ выразить такъ: всѣ члены Церкви грѣшны и не могутъ не быть грѣшными; но свойственные всѣмъ имъ *простительные* грѣхи не препятствуютъ имъ быть членами Церкви, пользоваться всѣми благодатными средствами ея и получить спасеніе и вѣчную жизнь, а сама Церковь не перестаетъ быть святой отъ того, что члены ея грѣшны.

Но христіане перестаютъ быть членами Церкви, становятся неистинными христіанами, если они заражаются грѣхами непростительными, къ которымъ относятся: ересь, или упорное преступленіе противъ вѣры; расколъ, или упорное отчужденіе отъ православной Церкви и противленіе ей; нераскаянное пребываніе въ тяжкихъ преступленіяхъ противъ нравственнаго закона. Но и эти грѣхи непростительны и препятствуютъ христіанину быть истиннымъ христіаниномъ только до тѣхъ поръ, пока онъ остается въ нихъ, не кается; раскаяніе въ нихъ и обращеніе къ Церкви опять приобщаетъ его къ Церкви.

Видимая принадлежность къ православной Церкви большаго или меньшаго количества такихъ непростительныхъ или нераскаянныхъ касательно вѣры, или нравственности, грѣшниковъ не препятствуетъ ей оставаться Церковію святой и православной. Но если всѣ или почти всѣ члены извѣстнаго христіанскаго общества, или помѣстной церкви становятся нераскаянными грѣшниками въ вѣрѣ, или нравственности, тогда само это общество перестаетъ быть истинно христіанскимъ, эта Церковь перестаетъ быть Церковію истинной, святой, православной. Не только міряне, монахи, священники, но и епископы и даже патріархи иногда впадали въ ересь, но это не мѣшало церквамъ, въ которыхъ они были, служили и даже предстоятельстввали, оставаться православными, если онѣ во всемъ своемъ составѣ не держались ереси и продолжали общеніе въ вѣрѣ съ прочими православными церквами; и вселенская Церковь не ставила даже и въ малѣйшую вину помѣстнымъ церквамъ то, что ихъ престолы занимали иногда люди, недостойные святительства и даже еретики; скорѣе она считала это несчастіемъ ихъ и своимъ

собственнымъ, отечески и братски сострадала имъ и принимала рѣшительныя мѣры къ устраненію несчастія, зла и соблазна.

Какъ ни снисходительно и кротко относится Церковь къ согрѣшеніямъ своихъ членовъ, есть, однако, такіе грѣхи, которые отсѣкаютъ отъ Церкви не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыя общества. Это такіе грѣхи, которыми извращается или отрицается самая идея, самое существо Церкви и которые составляютъ нарушеніе основныхъ ея законовъ и отклоняютъ ее отъ ея высокаго назначенія. По существу своему Церковь есть тѣло Христово (Еф. 1, 4 и 5 гл.; 1 Кор. 12, 27). Главное основаніе ея—Иисусъ Христосъ; второстепенныя основанія—пророки и апостолы (Еф. 2, 20). Она одушевляется и оживляется живущимъ въ ней Св. Духомъ (Рим. 8 гл.; 1 Кор. 12 гл.). По назначенію своему Церковь должна быть *славной, не имѣющей пятна, или порока, или чего либо подобнаго*, должна быть *святой* и непорочной (Еф. 5, 27). Въ силу особенной близости Церкви къ Богу (Еф. 2, 18. 19), особеннаго обитанія Бога въ Церкви и чрезвычайнаго, благодатнаго дѣйствованія Его въ ней, а также по своему высокому назначенію, она всегда хранила, всегда будетъ хранить и не можетъ не хранить въ неприкосновенности и чистотѣ основныя начала христіанства. Именно: она всегда имѣла и всегда будетъ имѣть въ полномъ составѣ св. Писаніе и св. Преданіе, а также всегда правильно понимала и всегда будетъ правильно понимать и толковать существенное содержаніе того и другаго; она никогда не погрѣшала, никогда не будетъ погрѣшать и не можетъ погрѣшать въ догматахъ вѣры и въ основахъ нравственнаго закона; она всегда была и всегда будетъ исполнена благодати Божіей и духа Христова; она сохраняла и сохраняетъ основныя формы своего устройства, предначертанныя Иисусомъ Христомъ и апостолами.

Соблюденіе основныхъ началъ христіанской вѣры и жизни есть признакъ истинной Церкви. Отступленіе отъ нихъ, или извращеніе ихъ, или отрицаніе хотя бы одного изъ нихъ какимъ-либо христіанскимъ обществомъ есть знакъ отпаденія его отъ тѣла Церкви. Христіанское общество, не соблюдающее въ чистотѣ и неприкосновенности основныхъ началъ христіанской вѣры и жизни, не есть истинно-христі-

анское общество, не есть истинная, православная Церковь.

Этимъ положеніемъ опредѣляется точка зрѣнія на разсужденія г. Соловьева о неистинномъ христіанствѣ и оцѣнка ихъ.

Такъ, если онъ признаетъ средневѣковое христіанство не истиннымъ христіанствомъ, а полу-язычествомъ, полу-христіанствомъ, исполненнымъ антихристіанскаго духа, то онъ не можетъ не признать, что средневѣковое христіанство не было истинною Церковію. *Кто не имѣетъ духа Христова, тотъ и не Его.* Что за Церковь, если она не только не исполнена духа Христова, а напротивъ, напитана прямо антихристіанскимъ духомъ? Такимъ образомъ мнѣніе г. Соловьева объ антихристіанскомъ духѣ средневѣковаго христіанства ведетъ къ отрицанію существованія въ средніе вѣка истинной Церкви на землѣ,—къ выводу, догматически невозможному.

Далѣе, онъ утверждаетъ, что средневѣковое христіанство отрицало, а не перерождало человѣческой жизни. Но если это правда, то, значить, средневѣковая Церковь не выполняла своего назначенія; потому что назначеніе Церкви въ томъ и состоитъ, чтобы перерождать людей и, перерождая, спасать ихъ. Если же она главнаго своего назначенія не выполняла, значить она не была истинною Церковію, значить истинная Церковь въ средніе вѣка на землѣ не существовала; но такъ какъ это не возможно, то ясно, что невѣрны самыя посылки, которыя приводятъ къ такимъ заключеніямъ: преувеличена мысль, что средневѣковое христіанство было проникнуто антихристіанскимъ духомъ и совершенно невѣрно положеніе, будто оно не перерождало, а отрицало человѣческую жизнь.—Человѣка перерождаетъ не только истинная, православная Церковь, которая несомнѣнно существовала и въ средніе вѣка, но православная Церковь вѣруетъ и допускаетъ, что перерожденіе ветхаго человѣка въ новаго совершается даже и въ неправославныхъ церквахъ, только оно тамъ менѣе обезпечено и менѣе совершенно.

Самыя болѣзни средневѣковаго христіанства, указываемыя г. Соловьевымъ, вовсе не такъ ужасны, какъ думаетъ послѣдній: онѣ не заражали всего христіанства; онѣ по существу своему, кромѣ религіознаго фанатизма, не препят-

ствѣвали христіанству оставаться истиннымъ христіанствомъ; не онѣ, или, по крайней мѣрѣ, не онѣ одни вызвали разлагающее критическое движеніе мысли и жизни.

Что въ средніе вѣка былъ односторонній догматизмъ, этого мы не отрицаемъ. Онъ проявился въ схоластическомъ богословіи, преимущественно въ западной, католической, церкви; былъ переносимъ оттуда и въ русскую Церковь. Но этотъ догматизмъ, какъ и сама схоластика, почти ограничивался стѣнами школы и мало проникалъ въ жизнь, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи. Кромѣ того, въ средніе же вѣка на Западѣ противовѣсомъ, хотя и не очень сильнымъ, одностороннему догматизму схоластики былъ мистицизмъ. Схоластика вредила дѣлу христіанства не столько одностороннимъ догматизмомъ, сколько мертвящимъ, сухимъ формализмомъ, а также отрѣшеннымъ отъ жизни рационализмомъ и абстрактностію.

Что касается до религіознаго фанатизма, который не слѣдуетъ отождествлять съ одностороннимъ и нетерпимымъ догматизмомъ, то, дѣйствительно, на христіанствѣ едва-ли можно найти иное, болѣе темное пятно, нежели рѣзня изъ-за вѣры, или сожиганіе еретиковъ и иновѣрцевъ на кострахъ, инквизиціонныя жестокия пытки и т. п. Къ счастью, все это въ огромныхъ и ужасныхъ размѣрахъ было на Западѣ, въ неправославномъ христіанствѣ, преимущественно въ римскомъ католицизмѣ. Поражая самого себя страшнымъ бичемъ религіознаго изуверства, Западъ самъ себя наказалъ и получилъ справедливое самоотмщеніе за отпаденіе отъ истины и чистоты православнаго христіанства. Г. Соловьевъ тенденціозно, пристрастно, несправедливо, вопреки исторической очевидности, равняетъ православный Востокъ съ неправославнымъ Западомъ въ религіозномъ фанатизмѣ. Преслѣдованія или, чаще, утѣсненія еретиковъ бывали и на Востокѣ, но ни качественно, ни количественно они не достигли здѣсь и малѣйшей доли тѣхъ ужасовъ религіознаго изуверства, которые окровавили страницы церковной и гражданской исторіи Запады. Было-ли въ восточной православной Церкви что-нибудь похожее на утопченныя пытки католической инквизиціи? Была-ли въ православной Церкви такая страшная рѣзня, какъ въ Варооломеевскую ночь во Франціи? Гнали-ли гдѣ-нибудь на православномъ Востокѣ ино-

вѣрцевъ такъ, какъ преслѣдовали и мучили мавровъ въ Испаніи? Въ Испаніи были сожжены десятки, быть можетъ и сотни тысячъ еретиковъ: въ Россіи едва нѣсколько чело-вѣкъ.

Но и этихъ, какъ напр., главарей раскола, казнили по той причинѣ, что они производили волненіе въ народѣ, явно, всенародно и дерзко распространяли свое лжеученіе и были опасны для правительства и вредны государству и народу. Первые расколоучители были мятежники, и ихъ преслѣдовало и казнило собственно гражданское правительство, а не церковная власть.

Въ Россіи, преслѣдуя еретиковъ, или раскольниковъ, имѣли въ виду охрану чистоты православія, старались воспрепятствовать пропагандѣ, явной или скрытой, неправославныхъ ученій. Напротивъ, на Западѣ преслѣдовали и казнили еретиковъ или невѣрующихъ только за то, что они были невѣрующіе или еретики. Большая разница—казнить еретика изъ-за того, чтобы воспрепятствовать ему вредить господствующей вѣрѣ и производить безпорядокъ въ государствѣ, или казнить его только за то, что онъ иной вѣры, или отступился отъ господствующей вѣры, подобно тому, какъ есть существенная разница, убьемъ ли мы вора, защищая свою жизнь отъ его нападенія, и когда притомъ другихъ средствъ самоохраны не имѣемъ, или убьемъ его только за то, что онъ воръ.

Русскимъ тѣмъ естественнѣе и извинительнѣе было зорко и ревниво слѣдить за неприкосновенностію своей вѣры, недовѣрчиво и враждебно относиться къ иновѣрцамъ и сектантамъ и принимать противъ ихъ пропаганды даже и крутыя мѣры, что вѣдь русскіе втайнѣ не могли не сознавать своего невѣжества и умственного превосходства иновѣрцевъ и даже своихъ доморощенныхъ сактаитовъ. Они опытомъ могли убѣдиться, что свои сектанты хитры и коварны и отлично знаютъ свою вѣру и умѣютъ приводить доводы въ пользу ея, что западные иновѣрцы гораздо ученѣе ихъ и умнѣе и знаютъ тонкости богословія, а сами они, напротивъ, простодушны и утонченностей вѣры не знаютъ. А когда человекъ чувствуетъ себя неспособнымъ или безсильнымъ охранять, или защищать свою вѣру умомъ, онъ

неизбѣжно, по чувству самосохраненія, начинаетъ обороняться жезломъ.

Здѣсь будетъ умѣстнымъ разсказать одинъ случай, котораго мы были свидѣтелями. Однажды въ вагонѣ ѣхалъ какой-то сектантъ, шелануть, или что-то въ этомъ родѣ. Противъ него сидѣлъ мѣщанинъ, или ремесленникъ, православный. Сектантъ, притворившись пьянымъ, началъ осуждать многіе обычаи православной вѣры и обряды ея. Началъ, напр., спрашивать православнаго, откуда извѣстно, гдѣ написано, что нужно почитать святыхъ и молиться имъ, сказалъ, что святые были такіе же люди, какъ и прочіе, что при апостолахъ святыхъ не было, и потому апостолы святымъ молиться не могли, что даже пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ не было акаѳистовъ ни Тихону Задонскому, ни Покрову Божіей Матери, что все это и многое другое введено недавно и потому никакой важности не имѣетъ; началъ даже дерзко требовать отчета о томъ, кто былъ свидѣтелемъ того, о чемъ написано въ разныхъ книгахъ, подразумѣвается, православныхъ. Православный, человекъ простой и хотя быть можетъ и грамотный, но не свѣдущій въ предметахъ вѣры, кое-что отвѣчалъ, но, само собою понятно, не могъ опровергнуть дерзкихъ возраженій сектанта. Не смотря на то, что нѣкоторые изъ ближе сидѣвшихъ и слышавшихъ разговоръ отъ времени до времени вставляли свои замѣчанія, направленные противъ словъ сектанта, и помогали православному обороняться, а одинъ уговаривалъ сектанта прекратить неприличныя рѣчи о вѣрѣ, хотя такимъ образомъ и сочувствіе и поддержка въ спорѣ со стороны пассажировъ были оказаны православному, а отношѣ къ сектанту; однако православный не могъ не чувствовать самымъ обиднымъ для своего самолюбія образомъ, что онъ безсиленъ опровергнуть нападенія сектанта. Это сознаніе было для него тѣмъ тягостнѣе, что вѣрующимъ сердцемъ онъ не могъ не чувствовать, что его собесѣдникъ говоритъ что-то неспутное, несетъ какую-то печестивую чепуху, а между тѣмъ онъ почти ничего не можетъ сказать противъ этой чепухи. Не смотря на то, что сектантъ личности его нисколько не затрогивалъ, онъ былъ оскорбленъ и возмущенъ до глубины души. Чуть не съ плачемъ сказалъ онъ своему противнику, что еслибы онъ былъ съ нимъ наединѣ, то вцѣпился бы

ему въ волосы и выколотилъ зубы. Совѣтъ русскій чело-вѣкъ, грубоватый, но простодушный и съ горячей душой. Сектантъ этими словами нисколько не обидѣлся и даже какъ бы не обратилъ на нихъ вниманія. Да и могло-ли быть иначе, когда онъ видѣлъ, что они—выраженіе безси-лія его противника, что онъ взялъ надъ послѣднимъ рѣши-тельный верхъ. Чтобы отвязаться отъ назойливыхъ вопро-совъ и задиричivosti сектанта, православный замолчалъ и притворился спящимъ. Но сектантъ началъ подсмѣиваться: „заснулъ, нашатырю ему подъ носъ“, и опять втравилъ его въ разговоръ. Съ подходомъ поѣзда къ станціи сектантъ заблагоразсудилъ выйти изъ вагона раньше остановки, и когда на станціи въ вагонъ вошелъ жандармъ, приглашен-ный, вѣроятно, кѣмъ-либо изъ пассажировъ, то сектанта и слѣдъ простылъ; онъ или перешелъ въ другой ва-гонъ, или сошелъ съ поѣзда. Къ концу разговора выяс-нилось, что сектантъ былъ совершенно трезвъ, и двукрат-ное заявленіе, что онъ пьянъ, очевидно, было сдѣлано имъ съ цѣлю, чтобы никто изъ слушателей не возражалъ ему, такъ какъ никому нѣтъ охоты связываться съ пьянымъ, да и безопаснѣе было притвориться пьянымъ. Говорилъ сек-тантъ намѣренно громко, такъ что не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что это былъ одинъ изъ способовъ про-паганды сектантства.

Этотъ случай показываетъ, что русскій народъ, при сво-емъ невѣжествѣ, беззащитенъ отъ нападений на его вѣру сектантовъ и что онъ невольно вынуждается защищаться отъ нихъ кулаками, хотя и не можетъ не сознавать нецѣ-лесообразности подобной защиты. Невѣжество—вотъ та мут-ная вода, въ которой раскольники и сектанты всякаго рода успѣшно ловятъ не рыбу, а живыхъ людей; невѣжество — вотъ та темная, грузная сила, та непроницаемая тверды-ня, отъ которой бездѣйственно отскакиваютъ удары борцовъ за православіе, и полемика противъ раскола и сектантства имѣетъ только незначительные успѣхи.

Но въ XVI или XVII в. невѣжества въ Россіи было го-раздо больше, нежели теперь. Тогда не только народъ, но даже и правительство, даже и само духовенство въ огром-номъ большинствѣ плохо знали ученіе вѣры, были уметвен-но неразвиты, втайнѣ не могли не чувствовать своей не-

подготовленности для борьбы противъ сектантовъ и иновѣрцевъ перомъ и словомъ, а потому для охраны своей вѣры въ неприкосновенности и чистотѣ и для болѣе успѣшнаго отпора пропагандѣ иновѣрія и сектантства не могли не прибѣгать къ полицейскимъ мѣрамъ.

Но это были именно только полицейскія мѣры. По дѣламъ вѣры не только смертная казнь, но и менѣе тяжкія наказанія не практиковались. Не было ни законовъ о сожженіи и вообще казни еретиковъ, ни на практикѣ эти казни не существовали. А какого нибудь инквизиціоннаго трибунала, какъ особаго учрежденія, которое дѣйствовало бы на основаніи кодекса законовъ, дѣйствовало бы постоянно и систематически, и совѣтъ не было.

Замѣчательно еще, что въ Россіи крутыя, гражданскія и уголовныя, мѣры противъ еретиковъ и раскольниковъ почти постоянно примѣняла гражданская власть, а не Церковь. Это—существенное отличіе нашей Церкви отъ католической, которая въ кровавыхъ преслѣдованіяхъ еретиковъ дѣйствовала вполнѣ самостоятельно, независимо отъ свѣтской власти, далеко упеждая послѣднюю въ религіозномъ фанатизмѣ.

Коснемся здѣсь одного частнаго случая, которымъ г. Соловьевъ подтверждалъ свое мнѣніе о существованіи въ Россіи инквизиціи въ концѣ XVII в. и по поводу котораго его противники почему-то ему ничего не возражали.

Я могу прямо сослаться, писалъ г. Соловьевъ, на несомнѣнный фактъ существованія инквизиціоннаго трибунала въ Москвѣ не дагѣ, какъ въ концѣ XVII в. При царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ рѣшено было существовавшее при Заиконоспасскомъ монастырѣ духовное училище превратить въ высшее богословское, научное и вмѣстѣ съ тѣмъ церковно-практическое учрежденіе, сообщивъ ему, между прочимъ, формальную привиллегію инквизиціоннаго судилища для розыска, сужденія и приговора къ сожженію и другимъ наказаніямъ всѣхъ обвиняемыхъ въ различныхъ религіозныхъ преступленіяхъ. Передавъ въ своей *Исторіи Россіи* подробности этой „привиллегіи“, С. М. Соловьевъ дѣлаетъ такое заключеніе: „Московская Академія по проэку царя Θεодора—это цитадель, которую хотѣла устроить для себя православная Церковь при необходимомъ столкновеніи сво-

емъ съ иновѣрнымъ Западомъ; это не училище только, *это инквизиціонный трибуналъ*: произнесутъ блюстители съ учителями слова: „виновенъ въ неправославіи“,—и костеръ запылаетъ для преступника“ (т. XIII, изд. 2-е, стр. 314). Преобразование Академіи, дѣласть свое заключеніе Вл. Соловьевъ, со стороны научной было осуществлено весьма не полно, но инквизиціонный трибуналъ въ Москвѣ сталъ фактомъ и принялся за свое дѣло съ такимъ чрезмѣрнымъ усердіемъ, что защищалъ огнемъ не только наше собственное православіе, но и лютеранскую ортодоксію. Такъ, въ 1689 году былъ судимъ (по доносу пастора) и сожженъ въ Москвѣ первый появившійся въ Россіи философъ, — мистикъ Квиришъ Кульманъ“¹⁾.

И Соловьевъ-историкъ и Соловьевъ-не-историкъ впади въ риторическое преувеличеніе мнимаго инквизиціоннаго духа академическаго устава или грамоты. Пункты грамоты, наиболѣе отзывающіеся инквизиторскимъ духомъ, слѣдующіе: „Иностранцы, желающіе поступить на царскую службу, прежде испытываются въ вѣрѣ блюстителемъ Академіи и учителями, и только по ихъ рекомендаціи принимаются въ службу, а въ которыхъ усмотрѣно будетъ анти-православное направленіе, тѣ высылаются за границу. Блюститель и учителя обязываются наблюдать, чтобы въ народѣ не было какихъ-нибудь распрей и непристойныхъ толковъ о вѣрѣ. Иновѣрцы, принимающіе православную вѣру, записываются въ особыя книги, которыя должны храниться у ректора и учителей, послѣдніе должны наблюдать за образомъ ихъ мыслей и жизни; если они измѣняютъ православію, то ихъ ссылаютъ въ Сибирь. Ректоръ и учителя должны наблюдать, чтобы ни у духовныхъ, ни у мірянъ не было въ домахъ запрещенныхъ книгъ и чтобы неучившіеся свободнымъ наукамъ не вступали въ состязанія о вѣрѣ“.

О кострахъ, о сожженіи еретиковъ нѣтъ и помину. Высылка за границу иностранцевъ и сама по себѣ—не тяжелое наказаніе, а при данныхъ условіяхъ она—мѣра благоразумія и справедливости. Вѣдь иностранцевъ насильно не тянули на службу къ русскому царю. Разъ они знали, что для поступленія на эту службу требуется принятіе право-

1) Московскія Вѣдомости 1891 г., № 304.

славія, то, поступаая на службу, они должны были свято исполнить это условіе. Въ противномъ случаѣ они оказывались обманщиками, и русскіе естественно могли въ такомъ обманѣ подозрѣвать скрытый замыселъ тайной пропаганды среди нихъ иновѣрнаго ученія.

Наблюденіе за тѣмъ, чтобы среди неученыхъ людей и въ простонародѣ не было ни состязаній о вѣрѣ, ни неприличныхъ толковъ о ней, есть мѣра непредосудительной охраны православія. Вышеприведенный случай состязанія сектанта съ православнымъ показываетъ, что даже и въ настоящее время для прекращенія соблазна отъ „непристойныхъ толковъ о вѣрѣ“ православный человекъ не нашелъ лучшаго средства, какъ пригласить жандарма. Конечно, тутъ нѣтъ никакого соответствія средства съ цѣлію: противъ духовной силы сила физическая оказывать существеннаго дѣйствія не можетъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что сектанты при пропагандѣ своего ученія обыкновенно не разборчивы въ средствахъ. Они не стѣсняются дѣлать насиліе послѣдователямъ господствующей вѣры, пусть это насиліе носитъ духовный характеръ. Правительство и охраняетъ невѣжественную чернь отъ навязыванія ей сектантскихъ ученій, отъ пропаганды ихъ, потому что она сама часто не въ силахъ охранить свою вѣру. А главное, ректору и учителямъ предоставлялось право наблюдать за тѣмъ, чтобы не было состязаній и непристойныхъ толковъ о вѣрѣ, и, подразумѣвается, прекращать ихъ, а не усвоилось право наказывать виновныхъ.

Накопецъ, ссылка въ Сибирь хотя наказаніе тяжкое, но все-таки не то, что сожженіе на кострѣ. Притомъ, оно опредѣлялось ни иновѣрцамъ, ни сектантамъ, а иновѣрцамъ, принявшимъ православіе и потомъ измѣнившимъ ему, отступникамъ. Такіе люди нигдѣ и никогда не пользуются ни сочувствіемъ, ни довѣріемъ. Человекъ, не разъ мѣняющій свою вѣру, въ лучшемъ разѣ существо легкомысленное, пустое и ничтожное, въ худшемъ—негодяй и злодѣй, ради выгодъ торгующій тѣмъ, что есть самаго завѣтнаго и священнаго въ человекѣ. Въ 17 же в. наши предки на такихъ людей иначе и не могли смотрѣть, какъ на тайныхъ пропагандистовъ иновѣрія, принявшихъ православіе для того,

чтобы успѣшнѣе и безопаснѣе для себя распространять свою (прежнюю) вѣру.

Нужно еще сказать, что уставъ академіи—не чисто туземнаго происхожденія. Составителемъ его считаютъ Симеона Полоцкаго. А Симеонъ Полоцкій получилъ образованіе въ польскихъ школахъ, быть можетъ, даже въ іезуитской коллегіи, былъ у насъ представителемъ латинскаго, западнаго образованія, держался многихъ католическихъ мнѣній, несогласныхъ съ православіемъ, и написанный имъ академическій уставъ есть сколокъ съ уставовъ католическихъ академій.

Этимъ, быть можетъ, отчасти объясняется то, что онъ не получилъ полного примѣненія на практикѣ,—и не въ одной только учебной своей программѣ, а и по части охраненія вѣры и преслѣдованій за проступки противъ нея. Такъ, вскорѣ по основаніи Академіи возгорѣлся въ Москвѣ споръ о времени пресуществленія Св. Даровъ во время литургіи и настолько овладѣлъ умами, что объ этомъ таинственномъ и возвышенномъ предметѣ вѣры разсуждали даже на рынкахъ, а между тѣмъ не слышно, чтобы кто-нибудь за это подвергся наказанію или взысканію. Другой примѣръ. Ученикъ и наперсникъ Симеона Полоцкаго Сильвестръ Медвѣдевъ защищалъ католическое ученіе о времени пресуществленія даровъ въ Евхаристіи и держался и прочихъ католическихъ, несогласныхъ съ православіемъ, мнѣній своего учителя. Кромѣ того, противъ него были вооружены ученые греки Іоанникій и Софроній Лихуды, а они въ то время были учителями въ Академіи и заправителями богословскихъ споровъ въ Москвѣ, имѣли большую силу, какъ люди ученые и несомнѣнно православные, и успѣли вытѣснить латинское, западное направленіе. Однако, не смотря на силу враждебной Сильвестру партіи, не смотря на то, что католическое мнѣніе о времени пресуществленія даровъ было признано неправославнымъ и осуждено, Московскій соборъ не только не подвергъ Сильвестра уголовному наказанію,—о смертной казни и говорить нечего,—но даже не лишилъ его сана (онъ былъ инокъ), а опредѣлилъ подвергнуть только церковному покаянію. Но такъ какъ Сильвестръ Медвѣдевъ, въ виду этого опредѣленія, сознался въ неправотѣ своего мнѣнія, то и это опредѣленіе было отмѣ-

нено. Правда, сочиненіе его—*Манна* было сожжено. Но вѣдь ежечь сочиненіе — далеко не то, что ежечь чело-вѣка.

Была-ли въ Россіи инквизиція въ 18 в.? На этотъ во-просъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (ноябрь 1891 г.) данъ от-вѣтъ утвердительный. Но Н. И. Барсовъ въ дѣльной, не смотря на краткость, статьѣ, помѣщенной въ *Историческомъ Вѣстникѣ* (февраль 1892 г.), доказалъ, что въ русской церкви при Петрѣ I и при его преемникахъ инквизиція не было.

Позволимъ себѣ привести двѣ заключительныхъ страни-цы его статьи, въ которыхъ выражена сущность ея.

„Послѣ краткаго обзора учрежденій времени Петра I по дѣламъ раскола, говоритъ онъ, намъ теперь легко отвѣтить на поставленный въ началѣ вопросъ: имѣли-ли эти учрежденія характеръ инквизиціонный и можно-ли обвинять православную русскую церковь времени Петра I въ томъ, будто она была причастна западному грѣху инквизиціоннаго отношенія къ заблуждающимся въ вѣрѣ. Очевидно, на эти вопросы не можетъ быть другаго отвѣта, какъ только отрицательный. Патріаршій духовный приказъ, приказъ церковныхъ дѣлъ, раскольническая кантора Святѣйшаго Синода, тиунская кантора и самъ Синодъ имѣли предметомъ своей дѣятельности лишь „обращательныя“ дѣла, то-есть увѣщаніе раскольниковъ обратиться къ церкви, состязанія съ ними, для которыхъ раскольники особыми, повсемѣстно опубликованными, указами приглашались являться въ Синодъ добровольно и „безбоязненно“, изданіе сочиненій, опровергающихъ раскольническія заблужденія и т. п. Ни съ-скомъ раскольниковъ незанесенныхъ, ни тѣмъ болѣе судомъ надъ ними по „градскимъ“ законамъ „Кормчей“ и „Уложенія“ эти учрежденія не занимались, отнюдь не усвоивъ себѣ правъ гражданскаго, тѣмъ болѣе уголовнаго суда, не назначали ни денежныхъ штрафовъ, ни какихъ-либо другихъ наказаній, кромѣ отлученія нераскаянныхъ отъ церкви, лишь отчасти („приказъ церковныхъ дѣлъ“) совмѣщая въ своей дѣятельности, по требованію государства, функцію фискальную, то-есть, регистрацію раскольниковъ въ видѣ отмѣтокъ въ исповѣдныхъ росписяхъ неисповѣдывавшихся, и сбора, съ записью, поступающихъ съ раскольниковъ двой-

наго подушнаго платежа и штрафовъ. Ни самъ Синодъ, ни оставшіяся при немъ учрежденія, не имѣли по отношенію къ раскольникамъ права „розыска съ пристрастіемъ“ (каковой розыскъ характеризовалъ бы эти учрежденія, какъ инквизиціонныя). О существованіи или „оказательствѣ“ раскольниковъ въ той или другой мѣстности Синодъ узнавалъ или отъ епархіальныхъ пресвященныхъ, которые въ свою очередь руководились доношеніями приходскихъ священниковъ, или отъ государственныхъ учреждений, узнавалъ для того о прихожанахъ, не явившихся къ исповѣди или открыто отрекавшихся отъ Церкви и учившихъ противно ея ученію, чтобы принимать противъ раскола лишь свои „обращательныя“ мѣры, въ случаѣ безуспѣшности которыхъ раскольники ставились для Церкви „яко же язычникъ и мытарь“, и поступали по силѣ законовъ государственныхъ, въ завѣдываніе государственныхъ учреждений, каковы были: тайная канцелярія, канцелярія Плещеева, отчасти Преображенская канцелярія, розыскная раскольническихъ дѣлъ канцелярія. Но и эти государственныя учрежденія въ царствованіе Петра I были учрежденіями отнюдь не инквизиціонными, а лишь фискальными, и существовали не для иныхъ какихъ-либо цѣлей, какъ только для цѣлей взиманія назначенныхъ государственною властію штрафовъ и двойныхъ подушныхъ окладовъ. Мѣры, практиковавшіяся этими учрежденіями для взиманія денегъ съ раскольниковъ, были обычныя въ то время, да и послѣ, полицейскія мѣры, какія употреблялись вообще для неопустительнаго взысканія всякихъ государственныхъ податей. Даже военныя экзекуціи (Коптѣлова, Рожнова и др.), употреблявшіяся для этой цѣли, не могутъ быть приравняемы къ дѣяніямъ инквизиціоннымъ по той причинѣ, что это были мѣры не инквизиціи, а реквизиціи, и употреблялись не какъ казнь за расколъ, а какъ принудительная мѣра для исполненія раскольниками палоченной на нихъ государствомъ гражданской обязанности. Былъ лишь одинъ родъ раскольническихъ дѣлъ, когда употреблялась въ дѣло пытка (въ Тайной канцеляріи и въ Преображенской канцеляріи) и даже смертная казнь: это когда приходилось власти имѣть дѣло не съ простымъ отступленіемъ отъ Церкви или раскольничествомъ, а съ расколочительствомъ политическаго и противогосударственнаго ха-

рактера, съ оскорбленіемъ величества и съ воззваніемъ, яко бы во имя вѣры, къ открытому бунту противъ верховной власти: таковы были дѣла Талицкаго и Левина и многихъ другихъ, провозглашавшихъ императора Петра I антихристомъ. Но это были уже не дѣла по отступленію отъ Церкви, а преступленія политическія, которыя и судились обычнымъ уголовнымъ судомъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ инквизиціей, которая всегда судила подобнымъ-же образомъ преступленія собственно противъ вѣры. Остается (сказать нѣсколько словъ по поводу заявленія автора упомянутой статьи ¹⁾ о томъ, будто „долго и послѣ Петра I все гражданское и церковное управленіе было проникнуто инквизиторскимъ настроеніемъ“. Достаточно припомнить личный составъ высшаго церковнаго и гражданского управленія въ Россіи при Екатеринѣ I, при Петрѣ II и при Аннѣ Ивановнѣ, для того, чтобы видѣть всю несообразность такого обвиненія. При Екатеринѣ I и при Петрѣ II Св. Синоду не разъ приходилось подавать имъ жалобы; въ видѣ всеподданнѣйшихъ докладовъ, на то, что „церковное правительство въ уничиженіи быть значителенъ“ отъ правительства гражданского верховнаго тайнаго совѣта, который перѣдко стѣснялъ Церковь въ самыхъ законныхъ ея требованіяхъ и нуждахъ, въ томъ числѣ и по дѣламъ „обращательнымъ“. Управлявшіе государствомъ нѣмцы, Остерманъ и Минихъ, позже, при Аннѣ, Биронъ и Левенвольдъ, открыто покровительствовали протестантству въ ущербъ интересамъ церкви государственной. Исторія съ „Камнемъ вѣры“ и страдальческая кончина архіепископа Теофилакта Лопатинскаго, котораго за православіе „били шелепами снемъ рубаху“, два года томили въ тяжкомъ заключеніи въ Петропавловской крѣпости, пока не замучили до полного изнеможенія, достаточно показываютъ, на сколько „инквизиціонно“ ревновало въ интересахъ Церкви „православное“ гражданское правительство „времени преемниковъ Петра I“. Да и изъ церковныхъ правителей вице-президентъ Синода Теофанъ Прокоповичъ, архіепископъ повгородскій, дружественно сносился съ расколо-учителями, велъ переписку съ знаменитымъ выговскимъ настоятелемъ Андреемъ Денисовымъ, ко-

1) Разумѣется статья въ Русскомъ Вѣстникѣ.

торого, по словамъ совершенно достовѣрнаго свидѣтельства раскольниковъ. въ своихъ письмахъ „возлюбленнымъ о Христѣ братомъ ублажаше“....

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, какое тогда было время. „Я теперь занимаюсь чтеніемъ разныхъ монографій временъ послѣ-петровскихъ, пишетъ профессоръ Никитенко въ своемъ дневникѣ. Что за ужасная картина деспотическаго произвола, казней, олигархическихъ козней и интригъ, кнутабитія, застѣнковъ и т. п.“¹⁾ Но такая кровавая неурядица господствовала въ области гражданскаго правительства. Церковное-же правительство нисколько не заразилось духомъ ни мстительности, ни интригъ, ни кроваваго преслѣдованія иновѣрцевъ и еретиковъ, ни вообще карательнаго къ нимъ отношенія. Тѣмъ болѣе чести ему, что оно въ эпоху государственной неурядицы и казней не было увлечено теченіемъ, а сохранило свойственный истинному христіанству духъ любви, человѣчности и вѣротерпимости. Хотя русская церковь не имѣла силы удержать гражданское правительство отъ примѣненія застѣнковъ съ ужасными пытками, но хорошо уже и то, что она сама въ лицѣ своихъ представителей и служителей не устраивала ихъ для наказанія, или вразумленія еретиковъ.

Замѣчательно, что въ Россіи и гражданское правительство ввело пытки только съ того времени, какъ оно сдѣлалось „западническимъ“, т. е. съ Петра Великаго. При Іоаниѣ Грозномъ были казни, но пытокъ не было. А въ періодъ времени, соответствующій второй половинѣ среднихъ вѣковъ, т. е., во весь періодъ до-монгольской и монгольской, въ Россіи совсѣмъ не было ни пытокъ, ни казней. Въ то время Россія была гуманнѣе Запада: религиозныхъ гоненій не было, инквизиціи не знали, пытокъ и казней, какъ системы, не существовало.

Когда мы читали эти слова свои въ корректурѣ, случайно, изъ лекціи графа Камаровскаго: „Война или миръ“? и изъ рецензіи, помѣщенной въ *Историческомъ Вѣстникѣ*, мы узнали о рѣчи профессора Загоскина, читанной имъ въ ноябрѣ прошлаго года на актѣ въ Казанскомъ Университетѣ. Въ этой рѣчи профессоръ доказываетъ, что смертная

1) Русская Старина 1892 г. Январь, 155 стр.

казнь въ древней Руси совсѣмъ не существовала, была введена подъ вліяніемъ византійскаго законодательства, кроткому духу русскаго народа никогда не была симпатична, и русское законодательство обнаруживало тенденцію къ отмѣнѣ этой безчеловѣчной и чуждой русскому духу кары. Мы вполне сочувствуемъ взгляду проф. Загоскина на неблагоприятіе русскаго народа и туземнаго русскаго законодательства къ смертной казни. Но полагаемъ, что вліяніе Византіи на введеніе и примѣненіе въ Россіи смертной казни было незначительно въ сравненіи съ вліяніемъ Запада. Припомнимъ, когда у насъ было всего больше казней: не въ эпоху-ли господства нѣмцевъ въ первой половинѣ XVIII в.? А застѣнки съ пытками были введены у насъ въ это время въ первый разъ. Разнообразныя и утонченныя пытки—это не русское и не византійское, а западно-европейское изобрѣтеніе.

Между тѣмъ какъ въ Россіи въ періодъ времени, соответствующій среднимъ вѣкамъ на Западѣ, не было ни смертной казни, ни, тѣмъ болѣе, пытокъ и инквизиціи, средневѣковой періодъ на Западѣ историки уже давно и почти единогласно признали временемъ варварства, грубости и невѣжества. Дѣйствительно, средніе вѣка, какъ въ гражданской, такъ и въ церковной жизни, представляютъ шагъ назадъ. Тогда приносившіе безкровную жертву становились палачами, проливали человѣческую кровь съ утонченными жестокостями и подвергали жесточайшимъ мукамъ не какихъ-либо закоренѣлыхъ преступниковъ, а лишь еретиковъ и иновѣрцевъ—что можетъ быть ужаснѣе этого? Въ предыдущія времена, не только въ первые три вѣка христіанскаго лѣтосчисленія, когда Церковь была гонима, но и во весь періодъ вселенскихъ соборовъ, ничего подобнаго не было. Тогда, напротивъ, страдали православные, частію отъ язычниковъ, частію отъ еретиковъ. Не говоря о временахъ гоненій христіанъ со стороны языческихъ императоровъ Рима, припомнимъ эпоху аріанскую, или время иконоборческой смуты, когда столпы православія были не только свергаемы съ епископскихъ кафедръ и ссылаемы въ заточеніе, но и подвергались истязаніямъ. Правда, и въ средніе вѣка жизнь отличалась церковностію, такъ что недавно папа Левъ XIII въ этомъ отношеніи отдалъ имъ рѣшительное предпочтеніе предъ на-

шимъ временемъ, но тогдашняя церковность имѣла важные недостатки. Богословіе сдѣлалось безжизненнымъ отъ крайняго буквализма; отсутствіе истиннаго просвѣщенія обнаруживалось въ суевѣріяхъ и предрасудкахъ; изсякъ духъ христіанской снисходительности къ заблуждающимся и любви къ иновѣрцамъ; узкое доктринерство, огрубѣніе нравовъ, постоянныя войны, благопріятствовали развитію религіознаго фанатизма. Все это въ средніе вѣка существовало на Западѣ и было возведено тамъ, такъ сказать, въ систему. Но въ Россіи эти уродства церковной жизни проявлялись спорадически и притомъ безъ вліянія со стороны Запада. И мы подписались бы подъ рефератомъ г. Соловьева, если бы онъ болѣзни средневѣковаго міросозерцанія приписывалъ исключительно Западу, а къ Россіи, общѣе къ Востоку, гдѣ жизнь издавна сложилась и текла особо и не одинаково съ Западомъ, примѣнилъ бы особливую оцѣнку, которая соответствовала-бы дѣйствительности, а не произвольно взятымъ рамкамъ.
